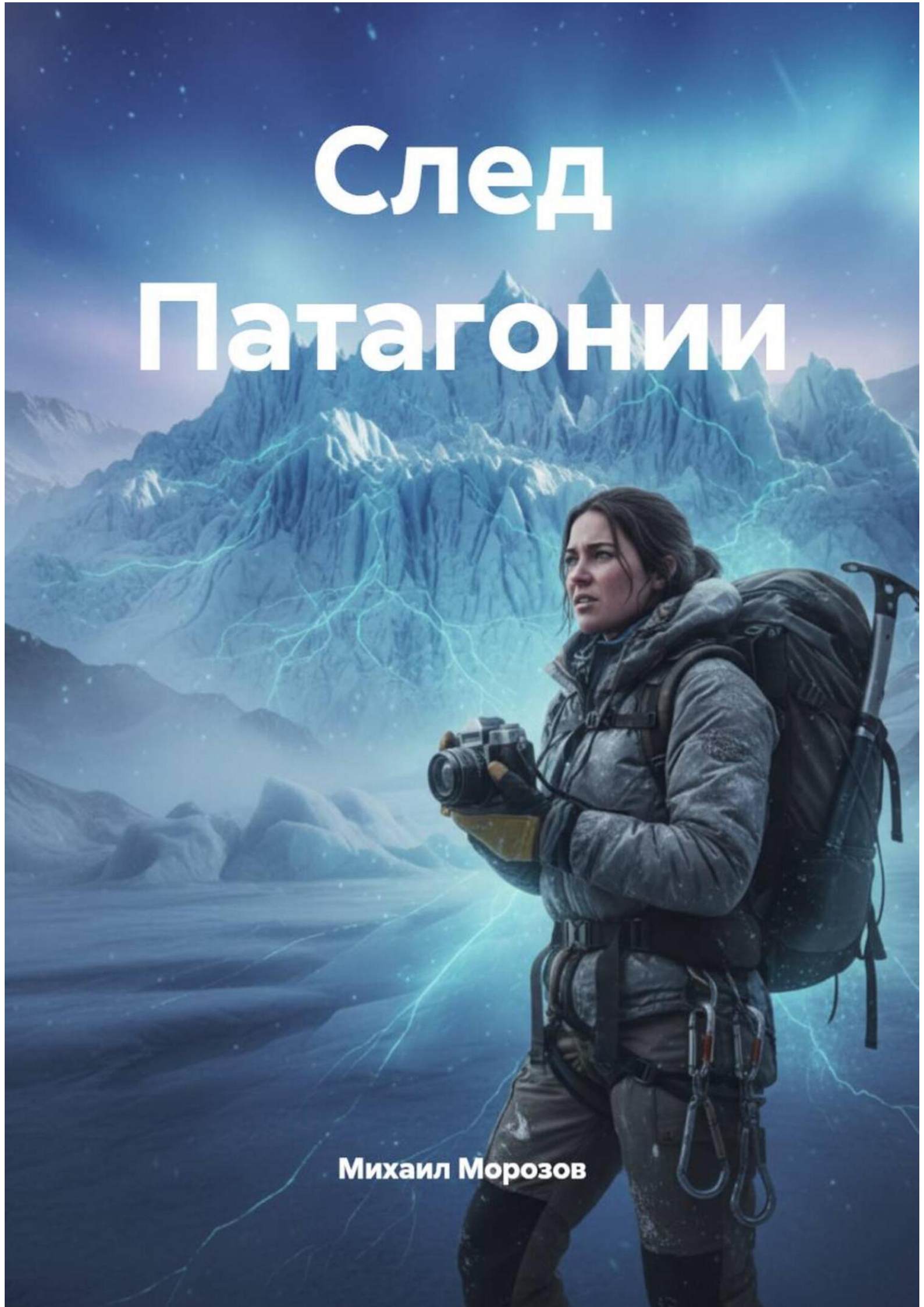

След Патагонии

A woman in winter gear, including a heavy jacket, pants, and a large backpack, stands in a snowy mountain landscape. She is holding a camera and looking towards the left. The background features jagged, snow-covered mountains under a blue, starry sky. The overall scene is illuminated with a cool, blue light, suggesting a high-altitude or night environment.

Михаил Морозов

Михаил Морозов

След Патагонии

«Автор»

2025

Морозов М.

След Патагонии / М. Морозов — «Автор», 2025

Майя Ортон не плакала на похоронах своего отца, легендарного исследователя Джулиана Ортона. Она привыкла к его отсутствию, к его жизни, полной загадок. Но когда спустя годы после его гибели в Альпах, она получает от него последнюю посылку — загадочный конверт с координатами в дикой Патагонии, — Майя понимает: Джулиан Ортон не просто умер. Он оставил ей последнюю, самую опасную головоломку. Вместе с другом семьи, спасателем Томом Хенли, Майя отправляется в этот ледяной край света, чтобы разгадать отцовскую тайну, но вскоре обнаруживает, что эта загадка связана с тридцатилетним исчезновением научной экспедиции, чьи открытия могли изменить мир.

© Морозов М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Посылка, отправленная мертвецом	6
Четыре угла карты	11
Край света	16
Призраки Ледяного хребта	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Морозов

След Патагонии

Посылка, отправленная мертвецом

Дождь над Хайгейтским кладбищем казался срежиссированным. Мелкая, холодная морось, которая не лила, а висела в воздухе, цепляясь за черные пальто и вуали, превращая землю под ногами в вязкую, чавкающую грязь. Идеальная погода для похорон легенды. Джулиан Ортон получил бы удовольствие от этой драматичности.

Майя стояла чуть поодаль от основной группы скорбящих, объектив ее старенькой «Лейки» был единственным, что отделяло ее от происходящего. Она не плакала. Слезы высохли много лет назад, где-то между третьей пропущенной им рождественской елкой и десятой открыткой, присланной с другого конца света с короткой подписью: «Думаю о тебе. Папа». Он всегда думал о ней. Просто всегда – издалека.

Через видеоискатель толпа превращалась в композицию из черных пятен и бледных лиц. Вот редактор «National Geographic» с тщательно скорбным выражением, которое завтра сменится заголовком «Мир потерял своего последнего героя». Вот куратор из Британского музея, чьи мысли, вероятно, были не о покойном, а о его непереданной коллекции артефактов. А вот – целая делегация из Королевского географического общества, люди, которые финансировали его экспедиции и теперь выглядели так, будто потеряли не друга, а самую выгодную инвестицию.

Они говорили о нем, как о явлении природы. Джулиан Ортон, покоритель вершин. Джулиан Ортон, первооткрыватель затерянных городов. Джулиан Ортон, человек-загадка. Для Майи он был человеком-открыткой. Человеком-треском в телефонной трубке из аэропорта где-нибудь в Катманду или Каире. Отцом, которого она знала больше по его фотографиям в журналах, чем по воспоминаниям.

Щелчок затвора прозвучал оглушительно тихо. Она поймала кадр: капли дождя, застывшие на крышке гроба из темного дерева, и отражение голых ветвей в лакированной поверхности. Символично. Пусто и холодно.

– Май, – тихий голос раздался прямо у ее уха. – Может, хватит?

Она опустила камеру. Рядом стоял Том Хенли. Высокий, широкоплечий, со спокойным лицом, которое, казалось, ничто не могло вывести из равновесия. Он был скалой. Скалой, о которую разбивались все ее подростковые бунты и взрослые истерики. Том был другом ее отца – настоящим, а не протокольным, как остальные. Он был спасателем, инструктором по выживанию, человеком, который вытаскивал Джулиана из таких передрыг, о которых не писали в журналах. И он был единственным, кто видел за легендой просто человека. А за колючей, саркастичной Майей – девочку, которая все еще ждала отца домой.

– Я работаю, – коротко бросила она, делая вид, что поправляет настройки на объективе. – Это то, чем я занимаюсь. Снимаю.

– Ты снимаешь его похороны, – мягко поправил Том. В его голосе не было осуждения, только усталая печаль. – Он бы не хотел этого.

– Откуда тебе знать, чего бы он хотел? – ее слова прозвучали резче, чем она планировала. – Он ни с кем не делился своими желаниями. Только координатами.

Том вздохнул, и облачко пара смешалось с дождевой взвесью. Он не стал спорить. Он никогда не спорил, когда она была в таком настроении. Вместо этого он просто накинул ей на плечи свой тяжелый шерстяной пиджак. От него пахло дождем, озоном и чем-то неуловимо знакомым и успокаивающим. Запах надежности.

– Пресса ждет у ворот. Я разберусь. Ты поезжай домой. Я приеду позже.

Она кивнула, не глядя на него. «Домой». Ее квартира в Кэмдене, заваленная фототехникой, непроявленными пленками и книгами, казалась чем угодно, но не домом. Это было скорее

убежище, студия, место, где можно было спрятаться от мира, который постоянно напоминал ей, что она – всего лишь «дочь Ортона».

Пробираясь сквозь толпу к выходу, она ловила обрывки фраз.

«...трагическая случайность... лавина в Альпах... он всегда рисковал...»

«...такое наследие оставил... его дневники бесценны...»

«...говорят, он был на пороге чего-то грандиозного...»

Майя усмехнулась про себя. Грандиозного. Вся его жизнь была чем-то грандиозным. Настолько, что в ней не оставалось места для чего-то простого. Обычного. Для нее.

*

Квартира встретила ее тишиной и запахом пыли. Майя сбросила мокрую куртку на пол, прошла на кухню и механически поставила чайник. За окном лондонский вечер тонул в сером сумраке. Она прислонилась лбом к холодному стеклу, глядя на мокрые крыши напротив.

Официальная версия гласила: несчастный случай. Опытный альпинист Джулиан Ортон погиб во время одиночного восхождения в Швейцарских Альпах. Сорвался. Не рассчитал погоду. Ирония судьбы. Человек, выживший в амазонских джунглях, перенесший песчаные бури в Сахаре и не замерзший в арктических торосах, погиб на вполне изученном европейском маршруте.

Майя в это не верила. Ни на секунду. Ее отец был слишком осторожен. Слишком педантичен в вопросах выживания. Он мог быть безрассудным в погоне за тайной, но никогда – в подготовке. Он скорее бы отменил экспедицию, чем вышел на маршрут с неверно завязанным узлом на веревке.

Чайник оглушительно засвистел, вырывая ее из размышлений. Она налила кипяток в кружку, даже не бросив туда чайный пакетик, и вернулась в гостиную. На кофейном столике лежала утренняя почта. Счета, рекламные буклеты, журнал о путешествиях с улыбающимся лицом ее отца на обложке. Она с отвращением отодвинула его в сторону. И тут ее взгляд зацепился за невзрачный сверток из плотной коричневой бумаги.

Он лежал под счетом за электричество, маленький и плотный. На нем не было обратного адреса. Только ее имя и адрес, выведенные знакомым, чуть угловатым почерком. Почерком ее отца.

Сердце пропустило удар.

Она схватила пакет. Бумага была жесткой, почти как картон. Почтовый штемпель был размыт, но она смогла разобрать название – «Пуэрто-Наталес». Чили. И дата – три недели назад. За несколько дней до его поездки в Альпы. За несколько дней до смерти.

Руки слегка дрожали, когда она разрывала обертку. Внутри не было письма. Ни единого слова объяснения. Только несколько предметов, завернутых в промасленную ткань.

Первым она достала его полевой дневник. Не тот глянцевоый, с тиснением, который он вел для публикаций, а его личный, рабочий. Потрепанный блокнот в кожаном переплете, который был с ним во всех экспедициях. Его страницы были испещрены картами, формулами, зарисовками и заметками, сделанными на нескольких языках. Этот дневник был его мозгом, его памятью. И он отправил его ей.

Вторым предметом был старый латунный компас. Тяжелый, с поцарапанным стеклом и потускневшим корпусом. Семейная реликвия, принадлежавшая еще ее прадеду. Отец никогда с ним не расставался. Он говорил, что этот компас всегда указывает верный путь, даже когда спутники молчат. Отдать его было равносильно тому, чтобы отдать часть себя.

И последнее. Маленький, герметично запечатанный металлический пенал, какие используют для хранения образцов пород. Он был холодным и гладким на ощупь. Майя повертела его в руках, пытаясь найти защелку, но крышка была плотно притерта. Понадобился нож, чтобы поддеть край. Крышка со щелчком открылась.

Внутри, на бархатной подложке, лежал не камень и не артефакт. Там была туго свернутая полоска водонепроницаемой бумаги.

Майя осторожно развернула ее. На бумаге, все тем же знакомым почерком, были написаны всего две строчки цифр.

50°58'11.2"S

73°14'48.9"W

Координаты. Ничего больше. Никаких объяснений. Никаких прощальных слов. Просто загадка. Последняя загадка от Джулиана Ортона.

Она усталилась на цифры, и внутри вместо горя поднялась глухая, привычная злость. Даже после смерти он не мог просто поговорить с ней. Он должен был устроить квест, ребус, очередное приключение. Он не оставил ей письмо, он оставил ей карту без сокровищ.

Майя подошла к огромной карте мира, занимавшей всю стену ее гостиной. Это было его единственное наследие в этой квартире, подарок на шестнадцатилетие. Карта была испещрена его пометками, маршрутами, красными флажками, отмечавшими места его открытий. Она провела пальцем по ледяному щиту Гренландии, скользнула через пустыню Гоби, коснулась сердца Конго. И опустилась вниз. Далеко вниз. На самый южный край Южной Америки.

Патагония. Край света.

Координаты указывали на точку в самом сердце национального парка Лос-Гласьярес. Дикая, необитаемая местность, известная своими ледниками, гранитными пиками и абсолютно непредсказуемой погодой. Место, где можно было исчезнуть без следа.

Что он там искал? Почему отправил это ей? И какое отношение это имело к его гибели в Альпах, на другом конце планеты?

Вопросы роились в голове, но ответов не было. Был только блокнот, компас и точка на карте. И глухое, интуитивное чувство, которое она научилась распознавать за годы жизни с отцом. Чувство, что официальная версия – ложь. Что его смерть не была случайностью.

Она снова посмотрела на посылку. Пуэрто-Наталес. Он был там. Он отправил это и сразу же полетел в Альпы. Навстречу своей смерти. Это не было похоже на совпадение. Это было похоже на план. Как будто он знал, что может не вернуться. И оставил ей хлебные крошки.

Телефонный звонок разрезал тишину, как скальпель. Она вздрогнула. На экране высветилось имя «Том».

– Да, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Я разобрался с репортерами, – сообщил он. – Они не будут тебя беспокоить. По крайней мере, сегодня. Ты в порядке?

«В порядке ли я? Мой мертвый отец только что прислал мне посылку с загадкой. Я в полном беспорядке».

– Да, – солгала она. – Все нормально.

– Я скоро буду. Хочешь, захвачу еды?

– Том, – перебила она его. – Ты не приедешь. То есть, не сейчас. Нам нужно встретиться.

И не только нам.

На том конце провода повисла пауза. Том хорошо ее знал. Он понял по одной интонации, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Что случилось, Май?

– Он прислал мне кое-что, – она смотрела на разложенные на столе предметы. – Перед... перед всем этим. Из Патагонии.

– Что прислал?

– Приглашение, – выдохнула она. – Кажется, он оставил мне работу.

*

Через час ее маленькая гостиная напоминала штаб по подготовке нелегальной операции. На столе, рядом с посылкой от отца, стоял ноутбук, по громкой связи шло совещание. Четыре

угла карты, как однажды в шутку назвал их команду ее отец. Четыре совершенно разных человека, которых объединяло только одно – Джулиан Ортон.

Том сидел напротив, скрестив руки на груди. Его лицо было непроницаемо, но Майя видела, как напряглись мышцы на его челюсти. Он изучал координаты на экране ноутбука, где уже была открыта спутниковая карта местности. Он видел не просто точку на карте. Он видел ледовые трещины, лавиноопасные склоны, ледяные ветра и десятки способов, которыми это место могло убить неподготовленного человека.

– Это территория национального парка, – произнес он своим ровным голосом. – Но очень удаленная его часть. Ближайший населенный пункт в двух днях пешего хода, и то, если повезет с погодой. Маршрутов там нет. Никто туда не ходит.

– Кроме моего отца, – уточнила Майя.

– Кроме твоего отца, – согласился Том.

Из динамиков ноутбука донесся сухой, академический голос Камиллы Роше.

– Джулиан упоминал этот регион в своих последних письмах. Очень туманно. Говорил, что наткнулся на следы старой, забытой экспедиции. Я копалась в архивах, но ничего не нашла. Никаких официальных данных. Полная тишина.

Камилла была историком, архивистом. Мозгом их неофициальной группы. Она могла найти иголку в стоге сена, если этот стог был сделан из пыльных документов и старых карт. Она работала с Джулианом много лет, систематизируя его находки и превращая его безумные догадки в научные гипотезы. Для нее Джулиан был гением, которого не понимали в академических кругах. И она была готова на все, чтобы доказать его правоту.

– «Полная тишина» – это плохо, – раздался третий голос, резкий, с легким испанским акцентом. Голос Рафа Моралеса. – Это значит, что кто-то очень хорошо поработал, чтобы ее обеспечить.

Раф был бывшим оперативником Интерпола. Специалистом по безопасности, которого Джулиан иногда нанимал для особо «сложных» экспедиций, где главную опасность представляли не дикие звери, а люди. Раф был циником и скептиком. Он не верил в затерянные города и древние проклятия. Он верил в человеческую жадность, коррупцию и хорошо спланированные преступления. Он был тем, кто всегда задавал неудобные вопросы и видел угрозу там, где остальные видели приключение.

Его лицо появилось на втором окне видеоконференции. Темные волосы, пронизательные глаза и трехдневная щетина. Он выглядел так, будто только что проснулся, но Майя знала, что его мозг работал на полную мощность.

– Итак, подытожим, – сказал Раф, барабанив пальцами по столу где-то за кадром. – Ортон едет в одно из самых диких мест на планете. Что-то там находит. Что-то, связанное с пропавшей экспедицией, о которой никто не знает. Вместо того, чтобы трубить об этом на весь мир, как обычно, он молча отправляет посылку своей дочери и летит в Альпы, где удобно падает со скалы. Вам это не кажется подозрительным? Мне – чертовски.

– Он хотел, чтобы мы продолжили, – тихо сказала Майя. Это была не догадка. Это была уверенность. – Он оставил нам ключ. Дневник, компас, координаты. Он знал, что я обращусь к вам.

– Он оставил нам проблемы, – поправил ее Раф. – Если он что-то раскопал, и из-за этого его «случайно» уронили со скалы, то те, кто это сделал, не будут рады видеть нас, идущих по его следу.

– Но что он мог там найти? – спросила Камилла, ее голос был полон научного любопытства. – В этом регионе нет ничего, кроме льда и камней. Никаких известных руин, никаких месторождений...

– Вот это мы и должны выяснить, – перебил ее Том. Он поднял глаза от карты и посмотрел прямо на Майю. В его взгляде она увидела то, чего не было в голосах остальных. Не просто

профессиональный интерес или азарт. Он видел ее – напуганную, злую, потерянную девочку, которой снова подсунили головоломку вместо отцовского объятия. И он был готов решить эту головоломку вместе с ней. – Когда вылетаем?

Вопрос был адресован всем, но смотрел он на нее. Решение было за ней. Она была наследницей. Не его состояния – отец почти все тратил на экспедиции – а его незавершенных дел.

Майя посмотрела на дневник. На его потертую обложку, хранившую отпечатки его пальцев. Всю жизнь она пыталась сбежать от его тени, доказать, что она – не просто продолжение его имени. А теперь он, мертвый, тянул ее за собой в самое сердце своей тайны. И впервые в жизни у нее не было желания бежать. Было желание понять.

– Раф, можешь проверить списки пассажиров на рейсах из Чили в Европу за последние три недели? И посмотри, не интересовался ли кто-то в последнее время деятельностью моего отца. Неофициально.

– Уже делаю, – без эмоций ответил Раф.

– Камилла, тебе нужен его дневник. Там могут быть зацепки, которые поймешь только ты. Я отправлю его тебе экспресс-почтой. Ищи все, что связано с Патагонией. Исчезнувшие люди, закрытые проекты, геологические отчеты. Все, что выглядит странно.

– Поняла, – голос Камиллы дрогнул от возбуждения. – Я начну с архивов Королевского общества.

– Том, – она повернулась к нему. – Нам нужно снаряжение. На двоих. Рассчитывай на худшие условия.

Он кивнул. Просто и молча. Никаких «Майя, это опасно» или «Ты уверена, что хочешь этого?». Он понял. Это было уже не ее желание. Это была необходимость.

– Я забронирую билеты на послезавтра. В Буэнос-Айрес, оттуда в Эль-Калафате. Это ближайший аэропорт. Там встретимся с Томом. Раф, Камилла, вы будете нашей поддержкой отсюда. Ежедневная связь.

Она говорила четко и властно, удивляя саму себя. Слово внутри нее включился какой-то неизвестный ей до этого механизм. Механизм, унаследованный от отца. Способность видеть цель, прокладывать маршрут и вести за собой людей.

Когда видеозвонок закончился, и в комнате снова воцарилась тишина, Майя почувствовала, как спадает напряжение. Она опустила в кресло, чувствуя себя совершенно опустошенной.

Том подошел и сел на подлокотник.

– Ты уверена? – тихо спросил он.

Она подняла на него глаза.

– Нет, – честно ответила она. – Я не уверена ни в чем. Кроме одного. Он умер не просто так. И я не смогу жить спокойно, пока не узнаю, почему.

Он положил свою тяжелую, теплую ладонь ей на плечо.

– Тогда я с тобой. До конца.

Майя посмотрела на карту на стене. На маленький красный флажок, который она мысленно уже воткнула в дикие земли Патагонии. Отец оставил ей так много пустых мест на этой карте, так много белых пятен в своей собственной жизни. Карта его жизни была неполной. И теперь дорисовывать ее предстояло мне.

Четыре угла карты

Зал заседаний Королевского географического общества, который Камилла умудрилась забронировать под предлогом «срочной архивной работы», был полной противоположностью ее маленькой квартиры. Здесь все было большим, старым и внушительным. Высокие потолки тонули в полумраке, стены были увешаны картами в тяжелых рамах – картами миров, которых больше не существовало. Воздух пах полированной древесиной, старой бумагой и едва уловимым запахом трубочного табака, ввевшимся в кожаную обивку кресел за последние полтора века.

Майя чувствовала себя здесь чужой. Она сидела за длинным овальным столом, отполированным до зеркального блеска, и ее отражение казалось бледным и неуместным на фоне портретов бородатых исследователей в пробковых шлемах, сурово взиравших со стен. Она была одета в джинсы и темный свитер, в то время как эти люди, казалось, рождались в смокингах и с секстантом в руке. Мир ее отца. Мир, который она всегда наблюдала со стороны.

Напротив нее сидел Том. Он не выглядел неуместным. Он выглядел как скала, которую принесло сюда ледником и оставило посреди бального зала. Он молча пил остывший кофе из бумажного стаканчика, и его спокойствие было единственным, что удерживало Майю от желания вскочить и сбежать.

На большом экране, установленном в торце стола, светились два лица. Камилла, в своем кабинете, окруженная стопками книг, выглядела взволнованно и сосредоточенно, как будто ей предстояло защищать диссертацию. И Раф, чье лицо было подсвечено снизу синеватым светом монитора, создавая впечатление, что он вещает из секретного бункера. Что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

– Итак, – Майя нарушила тишину, и ее голос прозвучал слишком громко в этом храме географии. – Мы здесь, потому что мой отец, даже умерев, не может оставить людей в покое. Раф, ты первый. Что у тебя есть?

Раф на экране кашлянул, словно прочищая горло.

– Чисто, – коротко сказал он. – По крайней мере, на первый взгляд. Я прогнал списки пассажиров всех рейсов из Пунта-Аренаса и Пуэрто-Наталеса в Европу за неделю до и после даты на посылке. Никаких известных имен, никаких красных флажков. Джулиан летел в Женеву через Сантьяго и Мадрид. Билет был куплен на имя Артура Блейка, одного из его старых псевдонимов. Стандартная процедура для него, когда он не хотел светиться.

– То есть, за ним не следили? – спросила Майя.

– Я не сказал этого, – поправил Раф. Его глаза сузились. – Я сказал, что хвост был не из дилетантов. Никто не покупал билет на тот же рейс в последний момент. Никто не сидел у него на плече. Если за ним и шли, то делали это профессионалы. Они могли вести его, используя разные команды в разных аэропортах. Или... – он сделал паузу, – они могли просто ждать его в конечном пункте. В Альпах.

Том поставил свой стаканчик.

– Они знали, куда он направляется.

– Похоже на то, – кивнул Раф. – Что еще интереснее. Я проверил его финансовые следы. За три дня до вылета из Чили он оплатил наличными фрахт небольшого самолета для облета территории к северу от горного массива Фицрой. Как раз там, где находятся твои координаты, Майя. Но в последний момент он отменил заказ. И в тот же день купил билет на самолет в Европу.

– Почему? – спросила Камилла, подавшись к камере. – Что-то его напугало?

– Или он нашел то, что искал, и ему больше не нужен был самолет, – предположил Раф. – Или он понял, что его вот-вот накроют, и решил убраться оттуда по-тихому. Я копаю дальше.

Проверяю частные аэродромы, чартерные компании. Есть одна мутная контора, «Avis Aeris», которая сдает в аренду вертолеты горнодобывающим компаниям. У них в совете директоров сидит пара человек, связанных с корпорацией «Lyra Dynamics».

При этих словах Майя замерла. «Lyra Dynamics». Это название она видела в записях отца. Глобальная корпорация, занимающаяся всем – от фармацевтики до телекоммуникаций и, по слухам, частных военных контрактов. Отец несколько раз упоминал их в своих дневниках в связи с незаконной разработкой ресурсов в Конго.

– «Lyra»? – переспросил Том. – Что им делать в Патагонии? Там нет ничего, кроме туристических маршрутов и пингвинов.

– Официально – ничего, – ответил Раф. – Но такие, как они, не появляются где-то просто так. Они появляются там, где есть деньги. Или то, что скоро станет деньгами. Я буду следить за ними. А пока мой совет: считайте, что за вами наблюдают с того момента, как вы сойдете с трапа в Аргентине. Никаких кредитных карт на ваши имена. Телефоны – только одноразовые. Связь – только по зашифрованному каналу, который я вам настрою. Вы для них – призраки. Понятно?

Майя кивнула. Холод пробежал по ее спине. Это переставало быть просто расследованием смерти отца. Это приобретало очертания чего-то гораздо большего и опасного.

– Понятно, – сказала она. – Камилла, теперь ты. Что говорит дневник?

Лицо Камиллы на экране просветлело. Она надела очки и взяла в руки блокнот в потертом кожаном переплете. Майя почувствовала укол ревности. Этот дневник был самой личной вещью ее отца, а сейчас его препарировал чужой человек, пусть и с самыми добрыми намерениями.

– Это просто невероятно, – начала Камилла, ее голос дрожал от возбуждения. – Здесь записи за последние полгода. Большинство – это его обычные наблюдения: геологические формации, флора, фауна, наброски маршрутов. Но между строк... Майя, твой отец был гением шифрования. Он использовал систему, основанную на каталожных номерах книг из библиотеки Королевского общества. Без доступа сюда я бы никогда этого не взломала.

Она перелистнула страницу.

– Он не просто так заинтересовался этим районом. Около двух месяцев назад кто-то анонимно прислал ему старую фотографию. На ней – группа из пяти человек в альпинистском снаряжении образца восьмидесятых годов. На заднем плане – узнаваемый пик Серро-Торре. Подпись на обороте: «Ледяной хребет, 1988. Мы нашли это».

– Что «это»? – нетерпеливо спросила Майя.

– Вот это и пытался выяснить Джулиан. Он начал копать. И обнаружил, что в 1988 году в этом районе работала небольшая частная геологическая экспедиция. Руководитель – доктор Алан Кейн, блестящий, но очень неуживчивый минералог. Официально они искали редкоземельные металлы. Экспедиция состояла из пяти человек. И все пятеро пропали без вести.

Том напрягся.

– Я помню эту историю. Смутно. Тогда решили, что они попали под лавину. Их искали несколько недель, но нашли только обрывки палатки.

– Именно, – подтвердила Камилла. – Дело закрыли, списав на несчастный случай. Но твой отец в это не поверил. Он пишет: «Погода в тот месяц была стабильной. Кейн был слишком опытным, чтобы разбить лагерь в лавиноопасной зоне. Их не искали. Делали вид, что ищут».

Камилла снова заглянула в дневник.

– Джулиан выяснил, что экспедицию финансировал некий геологический фонд, который прекратил свое существование сразу после их исчезновения. Ниточка оборвалась. Но потом он нашел ключ. В личных бумагах Алана Кейна, которые хранятся в архиве его университета, он обнаружил упоминание о проекте под кодовым названием «Перистерит».

– Что это такое? – спросил Том.

– Перистерит – это разновидность полевого шпата, лунный камень, – пояснила Камилла. – Красивый минерал, но не особо ценный. Я думаю, это было просто кодовое название. Но вот что странно. Рядом с этим словом Джулиан сделал пометку. Одно слово. «Изотоп». А дальше – сложная химическая формула, которую я отправила на анализ знакомому физику. Он сказал, что это похоже на описание стабильного изотопа гелия. Гелий-3.

Раф на экране присвистнул.

– Гелий-3? Это же топливо для термоядерного синтеза. Святой Грааль энергетики. Его практически нет на Земле. Его добывают на Луне.

– Именно, – кивнула Камилла. – Если Кейн нашел земное, доступное месторождение гелия-3... это не просто изменит представление о природных ресурсах региона. Это изменит мир. Это триллионы долларов. И мотив, достаточно веский, чтобы заставить замолчать не одну, а сколько угодно экспедиций.

В зале повисла тишина, густая и тяжелая. Портреты бородатых исследователей на стенах, казалось, прислушивались. Они искали новые виды бабочек и истоки рек. А отец Майи, похоже, наткнулся на ключ к будущему всей планеты. И заплатил за это жизнью.

– Значит, – медленно проговорила Майя, складывая кусочки головоломки, – группа Кейна находит что-то невероятное в 1988 году. Они исчезают. Тридцать лет спустя мой отец получает анонимную наводку, начинает расследование, находит их след и тоже... исчезает. А «Луга Dynamics» крутится где-то поблизости. Что-то не сходится. Если они знают о месторождении, почему не начали разработку?

– Может, они не знают, где именно оно находится, – предположил Том. – Кейн и его люди могли забрать с собой карты и образцы. И тот, кто их убрал, не нашел главного. Они могли только оцепить район и ждать, пока кто-нибудь, вроде твоего отца, снова не выйдет на след.

– И тогда они просто следуют за ним, позволяя ему сделать всю грязную работу, а потом забирают результат, – закончил Раф. – Классическая схема. И очень похоже на стиль «Луга».

Майя посмотрела на координаты на своем телефоне. Точка на карте перестала быть просто набором цифр. Теперь это было место, где тридцать лет назад была похоронена тайна. Место, куда ее вел отец.

– Значит, наша цель – найти то, что осталось от экспедиции Кейна, – сказала она. – Их лагерь, их записи, образцы. Все, что может указать на точное местоположение месторождения. И сделать это раньше, чем нас найдут люди из «Луга».

Она посмотрела на Тома.

– Теперь твоя очередь. Расскажи нам, что нас там ждет.

Том кивнул. Он подключил свой ноутбук к экрану, и портреты исследователей сменились спутниковыми снимками высокого разрешения. Бело-голубые ледники, серые осыпи, темно-зеленые пятна лесов в долинах. Красиво и смертельно.

– Координаты указывают на ледниковое плато, окруженное тремя вершинами, которые местные называют «Трес Эрманас» – Три Сестры, – начал он спокойным, ровным тоном лектора. – На картах это место обозначено как Ледяной хребет. Высота около двух тысяч метров. Не Эверест, но проблема не в высоте. Проблема в погоде.

Он вывел на экран график. Кривая линия скакала вверх и вниз, как кардиограмма пациента при смерти.

– Патагонская погода – это лотерея. За один час вы можете увидеть яркое солнце, ураганный ветер, который сбивает с ног, ливень и метель. Температура может упасть на двадцать градусов за полчаса. Ветра, идущие с Тихого океана, не встречают никаких препятствий и обрушиваются на Анды со всей своей яростью. Это одно из самых негостеприимных мест на планете.

Он увеличил изображение. Стали видны глубокие синие трещины, пересекающие ледник.

– Путь к плато лежит через перевал Вьентос – перевал Ветров. Название говорящее. После него нам придется пересечь ледник. Он весь в закрытых трещинах. Один неверный шаг – и ты летишь в ледяную пропасть глубиной в сто метров. Без шансов. На самом плато почти нет укрытий. Если начнется буря, нам нужно будет успеть разбить лагерь и закрепить его, иначе палатку просто унесет вместе с нами.

Он говорил об этом так буднично, словно обсуждал маршрут до супермаркета. Но Майя видела напряжение в его плечах. Он не просто информировал. Он предупреждал.

– Связь там практически отсутствует. Спутниковый телефон будет работать с перебоями из-за рельефа. Мы будем одни. Помощь, если что-то случится, придет не раньше, чем через два-три дня. Если нас вообще смогут найти.

Он выключил проектор. В зале снова стало темно и тихо.

– Я могу тебя туда привести, Майя. И могу тебя оттуда вернуть, – сказал он, глядя ей прямо в глаза. – Но ты должна понимать. Это не прогулка по парку. Это не фототур. Каждая ошибка там может стать последней. Там нет места для импульсивных решений. Там есть только правила. И если ты нарушишь хоть одно, ты подставишь под удар не только себя, но и меня.

Его слова были как ушат ледяной воды. Он говорил не как друг. Он говорил как инструктор по выживанию. Как человек, который видел, чем заканчивается бравада в горах. И в его голосе прозвучало что-то еще. Что-то личное. Отголосок старой боли. *Haunted by the past failure of not being able to save his partner*. Теперь Майя поняла, откуда эта его чрезмерная опека и контроль. Он уже терял кого-то. И не собирался допустить этого снова.

– Я понимаю, – тихо сказала она. Ее упрямство боролось с холодным страхом, который поселился внутри. Она была фоторепортером, а не альпинистом. Она умела ловить момент, а не страховать себя ледорубом.

– Нет, не понимаешь, – мягко, но твердо возразил Том. – Ты думаешь, что понимаешь. Но ты не стояла на гребне, когда ветер пытается сбросить тебя в пропасть. Ты не слышала, как трещит лед у тебя под ногами. Твой отец знал все это. Он был готов. Ты – нет.

– Так подготовь меня! – вспыхнула она. Вся ее неуверенность и страх вылились в раздражение. – В этом же твоя работа, так? Готовить людей! Я не прошу тебя вести меня за руку. Я прошу помочь мне закончить то, что он начал. Я должна это сделать, Том. Для него. Для себя.

Она встала и подошла к окну. За ним раскинулся тихий лондонский сквер. Зеленая трава, аккуратные дорожки, люди, выгуливающие собак. Другая вселенная.

– Он ведь не говорил тебе, куда едет, так? – спросила она, не оборачиваясь.

– Нет, – голос Тома за ее спиной был глухим. – Сказал, что это личное.

– Вот именно. Личное. Он не впутал тебя, потому что знал, что это слишком опасно. Он не доверял никому, кроме себя. А посылку отправил мне. Мне, Том. Это моя ответственность. Мое право.

Она обернулась. В ее глазах стояли слезы злости.

– Я не дочь Ортона, которая сидит и ждет, пока мужчины сделают за нее всю работу. Я иду туда. С тобой или без тебя.

Наступила долгая пауза. Раф и Камилла на экране молчали, наблюдая за этой сценой. Наконец Том медленно кивнул.

– Хорошо, – сказал он. В его голосе не было ни капли тепла. Только смирение. – Я понял. Тогда слушай внимательно. Вылетаем завтра. В Буэнос-Айресе у меня есть контакты, помогут с логистикой и снаряжением, которое мы не можем взять с собой. В Эль-Калафате берем машину. Дальше – пешком. У нас есть погодное окно в четыре дня. Если не уложимся, придется переждать бурю, а это может затянуться на неделю. Мы берем с собой минимум вещей. Каждая калория, каждый грамм веса на счету. И, Майя... – он посмотрел на нее так, что ей стало не по себе. – Ты будешь делать в точности то, что я говорю. Без вопросов и без споров. Это не обсуждается. Я не теряю людей. Не снова.

Майя сглотнула. Она победила, но победа была горькой. Она втягивала его в эту авантюру против его воли, играя на его чувстве долга перед ее отцом и перед ней.

– Договорились, – сказала она.

– Раф, Камилла, – продолжил Том, снова переключаясь в режим командира. – Нам нужна вся информация, которую вы сможете нарыть по Алану Кейну и его команде. Их маршруты, их оборудование, их личные дневники, если они сохранились. Любая мелочь может помочь нам найти их лагерь. И, Раф... мне нужен план эвакуации. Надежный. На случай, если все пойдет не так.

– Будет сделано, – коротко ответил Раф.

– Я уже работаю над этим, – добавила Камилла. – В архиве университета есть несколько коробок с вещами Кейна. Я запросила доступ.

– Отлично, – Майя взяла себя в руки. – Тогда план такой. Мы с Томом летим в Аргентину. Вы – наши глаза и уши здесь. Ежедневные сеансы связи в назначенное время. Если мы не выходим на связь больше двадцати четырех часов, Раф запускает план эвакуации. Все согласны?

Два голоса с экрана подтвердили согласие.

– Тогда до связи, – сказала Майя и закрыла крышку ноутбука.

Внушительный зал снова погрузился в тишину. Напряжение, висевшее в воздухе, медленно рассеивалось. Майя почувствовала себя выжатой как лимон. Она подошла к столу и взяла в руки дневник отца. Провела пальцами по тисненой коже.

Том подошел и встал рядом.

– Он был одержим этой историей про Кейна, – тихо сказал он, глядя на дневник. – В последних разговорах он постоянно возвращался к этому. Говорил, что это «последняя великая загадка».

– Он не говорил, что она может его убить, – с горечью ответила Майя.

– Он никогда об этом не говорил, – вздохнул Том. – Он считал, что это само собой разумеется.

Он протянул ей небольшой черный предмет, похожий на пейджер.

– Это персональный аварийный маяк. Он работает независимо от спутникового телефона. Если нажмешь эту кнопку и будешь держать три секунды, он отправит сигнал бедствия с твоими точными координатами Рафу и в международную службу спасения. Используй его только в том случае, если мы разделимся, и твоей жизни будет угрожать реальная опасность. Поняла? Только в самом крайнем случае.

Майя взяла маяк. Он был тяжеленьким и холодным. Кнопка была защищена от случайного нажатия красной пластиковой крышечкой. Символ последней надежды.

– Поняла, – прошептала она.

– А теперь иди домой и поспи, – сказал Том уже более мягким тоном. – Завтра будет длинный день. Я заеду за тобой в шесть утра.

Он развернулся и пошел к выходу, его тяжелые ботинки бесшумно ступали по толстому ковру. У самой двери он остановился и, не оборачиваясь, добавил:

– И, Майя. Он бы тобой гордился.

Дверь за ним тихо закрылась.

Майя осталась одна в огромном зале, наедине с призраками прошлого и ледяными душами планами на будущее. Она посмотрела на карту на стене. На ней Патагония была лишь небольшим клочком суши на самом краю света. Но для нее этот клочок земли сейчас был центром вселенной. Местом, где она должна была найти ответы. Или разделить судьбу тех, кто искал их до нее. Она сунула маяк в карман. Он неприятно охлаждал бедро, напоминая о том, что это путешествие было билетом в один конец. И обратного пути уже не было.

Край света

Перелет был похож на погружение. Сначала они медленно опускались сквозь облака цивилизации – Лондон, Мадрид, Сантьяго – каждый город был ступенью, ведущей все глубже, все дальше от привычного мира. Майя сидела у иллюминатора, но не смотрела вниз. Она смотрела на свое отражение в холодном плексиглазе: бледное лицо, темные круги под глазами и упрямо сжатые губы. Рядом с ней, в проходе, сидел Том. Он не спал. Он читал книгу о ледниковой топографии с таким же сосредоточенным видом, с каким другие люди читают детектив. За все шестнадцать часов полета они обменялись от силы дюжиной фраз, и все они касались либо еды, либо турбулентности.

Молчание было плотным, почти осязаемым. Оно состояло из невысказанных страхов Майи и невысказанных предостережений Тома. Он выполнил свое обещание. Он вел ее. Но он делал это с видом человека, сопровождающего заключенного на эшафот, – с мрачной решимостью и полным отсутствием энтузиазма. Майя чувствовала себя грузом. Хрупким, импульсивным, непредсказуемым грузом, который он взвалил на свои плечи из чувства долга. Это злило ее больше, чем открытое неодобрение.

Когда их маленький самолет, летевший из Буэнос-Айреса, начал снижение над провинцией Санта-Крус, пейзаж за окном резко изменился. Бескрайняя, выжженная солнцем пампа сменилась бирюзовыми пятнами ледниковых озер. А потом, на горизонте, выросла стена. Зазубренная, нереальная, ослепительно-белая гряда гор, упирающаяся в пронзительно-синее небо. Анды.

– Пристегнись, – ровным голосом сказал Том, не отрываясь от книги. – Здесь всегда трясет. Ветер с ледника.

Самолет и впрямь начал дрожать, проваливаясь в воздушные ямы. Майя вцепилась в подлокотники. Горы за окном, казалось, наблюдали за их маленьким самолетом, как древние боги, равнодушные к судьбе смертных, вторгшихся в их владения.

Эль-Калафате встретил их яростным, ледяным ветром. Он рвал волосы из-под шапки, забивался под куртку и заставлял слезиться глаза. Городок оказался странным гибридом альпийской деревни и декораций к вестерну: аккуратные деревянные домики с яркими крышами соседствовали с пыльными улицами, по которым ездили потрепанные пикапы. Все здесь было подчинено горам, нависавшим над городом, и туристам в яркой трекинговой одежде, которые бродили по сувенирным лавкам, покупая шоколадки в форме ледников и плюшевых пингвинов. Это была последняя остановка. Последний глоток цивилизации перед прыжком в пустоту.

Они остановились в маленьком, безликом отеле на окраине города. Две кровати, шаткий стол, окно с видом на пыльный двор. Том бросил свой рюкзак на пол и тут же достал спутниковый телефон.

– У нас час до встречи с моим контактом, – сообщил он, глядя не на нее, а на экран телефона. – Проверь свое снаряжение. Все, что мы привезли. Я хочу, чтобы ты знала каждую пряжку, каждый ремешок.

– Я уже проверяла. В Лондоне, – возразила Майя, чувствуя, как снова закипает раздражение.

– Проверь еще раз, – отрезал он. – В Лондоне от этого не зависела твоя жизнь.

Он вышел из номера, не дожидаясь ответа, и Майя с силой пнула свой рюкзак. Она вывалила содержимое на кровать: термобелье, флисовые кофты, мембранную куртку, альпинистские ботинки, которые она еще даже не разносила. Все самое лучшее, самое дорогое. Все, что выбрал Том. Она чувствовала себя куклой, которую нарядили для опасной игры. Она взяла в руки ледоруб. Холодная сталь неприятно холодила ладонь. Она попыталась представить, как использует его, как задерживается на ледяном склоне. И не смогла. В ее руках он выглядел

чужеродным предметом, реквизитом. А вот ее «Лейка», лежавшая рядом, казалась продолжением ее руки. Это было единственное оружие, которым она умела пользоваться.

Их встретил человек по имени Матео. Он ждал их в маленьком кафе, пахнущем жареным мясом и крепким кофе. Матео был невысоким, коренастым, с обветренным лицом, покрытым сетью морщин, и глазами, которые, казалось, видели все насквозь. Он был похож на саму Патагонию – суровый, немногословный и абсолютно надежный.

– Хенли, – он крепко пожал руку Тому. – Давно не виделись. Все так же ищешь приключений на свою голову.

– Работа, Матео, – ответил Том. – Это Майя.

Матео окинул ее быстрым, оценивающим взглядом. В нем не было ни сочувствия, ни снисхождения. Только профессиональный интерес, как у механика, осматривающего машину перед долгой дорогой.

– Ортон, – сказал он, и это прозвучало не как вопрос, а как констатация факта. – Похожа на отца. Тот же взгляд. Упрямый.

Майя не знала, что ответить.

Они сидели за столиком, и Матео, попивая обжигающе-горячий мате из калебаса, докладывал обстановку.

– Машина готова. Старый «Дефендер», я его перебрал, пройдет где угодно. Снаряжение, которое ты просил, в гараже. Еда, топливо, газ. Все по списку. Погода... – он сделал паузу, прислушиваясь к вою ветра за окном. – Погода – дрянь. Окно, о котором ты говорил, сужается. У вас будет три дня. Максимум. Потом подойдет шторм с океана. Сильный. Если не успеете спуститься, застрянете там на неделю. В лучшем случае.

– Мы успеем, – уверенно сказал Том.

– Все так говорят, – хмыкнул Матео. – В этом году горы уже забрали троих. Слишком самоуверенных. А в вашем районе... – он снова посмотрел на Майю. – Там сейчас неспокойно.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Том.

– Вертолеты, – ответил Матео. – Летают почти каждый день. Частные. Без опознавательных знаков. Официально – какая-то геологическая разведка. Но они летают слишком часто и слишком низко. И люди, которые на них летают, не похожи на геологов. Больше похожи на тех, с кем ты раньше работал, Хенли.

Сердце Майи пропустило удар. «Avis Aeris». Раф был прав. Они были здесь. Совсем рядом.

– Они кого-то ищут? – спросила она.

– Или что-то, – поправил ее Матео. – Или просто охраняют периметр. Местные пастухи говорят, что те, кто случайно забредал в ту долину, наткнулись на очень невежливых людей в одинаковой темной одежде, которые настойчиво советовали им убраться. Никто не спорит. Эти горы и так полны призраков. Никто не хочет становиться еще одним.

Он допил свой мате и встал.

– Машина у заднего входа. Ключи под козырьком. Снаряжение на заднем сиденье. Дальше вы сами. Если через пять дней не вернетесь, я начну звонить спасателям.

– Спасибо, Матео, – сказал Том.

– Береги ее, Хенли, – сказал старик, глядя на Тома. – Она – все, что осталось от Джулиана.

Дверь за ним закрылась, оставив их в густой тишине, нарушаемой лишь воем ветра. Слова Матео повисли в воздухе. «Она – все, что осталось от Джулиана». Майя почувствовала, как к горлу подкатывает знакомый комок обиды. Даже здесь, на краю света, она была не собой, а лишь наследием, последним экземпляром в коллекции.

Остаток дня прошел в лихорадочной подготовке, которая больше походила на армейскую муштру. Гараж Матео был забит альпинистским снаряжением. Том заставил Майю перепроверить каждую веревку, каждый карабин. Он заставил ее в полной темноте, с завязанными

глазами, собирать и разбирать газовую горелку. Он заставил ее трижды перепаковать рюкзак, пока не добился идеального распределения веса.

– Ты должна знать свое снаряжение лучше, чем собственное имя, – повторял он, как мантру. – В критической ситуации у тебя не будет времени думать. Только действовать.

Майя молча подчинялась, сжимая зубы. Ее руки онемели от холода и усталости, пальцы плохо слушались. Она чувствовала себя неуклюжим рекрутом под командованием безжалостного сержанта. Каждый его жест, каждое слово подчеркивало ее некомпетентность.

– Что это? – спросил он, вытаскивая из ее рюкзака запасной объектив для «Лейки».

– Объектив, – очевидно же.

– Это лишние четыреста грамм, – отрезал он. – Они тебе не понадобятся.

– Это моя работа! – вспыхнула она. – Я фотограф. Я должна снимать.

– Твоя работа – выжить! – его голос впервые за весь день сорвался на крик. В тусклом свете лампочки его лицо показалось измученным. – Ты не понимаешь, Майя! Это не фотосессия! Там нет места для творчества, для «хорошего кадра»! Есть только маршрут, страховка и следующий шаг. Лишние четыреста грамм через два дня подъема будут весить как четыре килограмма. Они замедлят тебя. А если ты отстанешь...

Он не закончил. Он просто отвернулся и с силой провел рукой по волосам. В этот момент Майя увидела в нем не надменного инструктора, а человека, до смерти напуганного. Напуганного за нее. И этот страх был ему ненавистен. Он не мог его контролировать, и это выводило его из себя.

– Оставь, – тихо сказала она. – Я понесу.

Он не ответил, но и не стал спорить. Маленькая победа, которая на вкус была как поражение.

Вечером, когда все было готово, они сидели в своем номере, ожидая назначенного времени для сеанса связи. Рюкзаки стояли у двери, как два солдата, готовые к бою. Майя чистила линзу своего фотоаппарата. Это механическое, привычное действие успокаивало. Том смотрел в окно на темнеющие вершины.

– Я не хотел кричать, – сказал он, не оборачиваясь.

– Знаю, – ответила Майя.

– Человек, которого я потерял... мой напарник... его звали Дэн, – продолжил Том, и его голос стал глухим. – Мы работали в спасательной службе в Шамони. Во время одной операции он решил срезать путь через снежный карниз. Я говорил ему, что это опасно. Он был уверен в себе. Слишком уверен. Карниз обрушился. Я видел, как он падает. Я ничего не мог сделать.

Он замолчал. Майя тоже молчала, давая ему договорить.

– Он погиб, потому что нарушил правило. А я – потому что не смог его остановить. Я не был достаточно убедителен. Не был достаточно жестким. Я не повторю эту ошибку, Майя. Ни за что.

Теперь она поняла. Его одержимость контролем, его придирки, его холодная ярость – все это было броней, которую он выковал из чувства вины. Он пытался защитить не ее. Он пытался защитить себя от повторения своего худшего кошмара.

– Я не Дэн, – тихо сказала она. – И я не собираюсь умирать.

Он медленно повернулся. В его глазах она впервые увидела не только тревогу, но и что-то похожее на надежду.

– Хорошо, – сказал он. – Потому что я не собираюсь тебя терять.

В этот момент спутниковый телефон на столе пискнул и зашипел. Время связи.

На маленьком экране появилось сначала лицо Рафа, а затем Камиллы. Помехи исказили изображение, но их голоса, хоть и с прерываниями, звучали четко.

– Как вы? – спросила Камилла. Ее лицо выглядело усталым, но глаза горели.

– Готовы к выходу, – ответил Том. – Выдвигаемся на рассвете. Что у вас?

– У меня кое-что есть, – голос Камиллы дрожал от возбуждения. – Я получила доступ к архивам Кейна. Большинство бумаг – это сухие научные отчеты. Но я нашла кое-что еще. Копию письма, которое он отправил своему коллеге в Оксфорд за день до того, как их группа перестала выходить на связь.

– И что в нем? – нетерпеливо спросила Майя, подавшись к телефону.

– Оно очень странное. Зашифрованное, как и дневники твоего отца. Он пишет о геологической аномалии, которую они обнаружили. Пишет, что образцы пород показывают невероятную концентрацию... ну, вы знаете чего. Но дальше самое интересное. Цитирую: «Но дело не только в изотопах, Арчи. То, что мы нашли... оно не вписывается ни в одну модель. Это структура. Слишком правильная, слишком симметричная, чтобы быть игрой природы. Словно сам хребет был... построен. Завтра мы попробуем проникнуть внутрь».

Майя и Том переглянулись.

– Внутри чего? – спросил Том. – Пещеры?

– Он не уточняет, – ответила Камилла. – Просто «внутри». И еще одна деталь. Он пишет, что вход охраняется «ледяными призраками». Так он называет внезапные, очень мощные порывы кatabатического ветра, которые срываются с ледника в одном и том же месте, словно по расписанию. Он считает, что это связано с уникальной аэродинамикой этой «структуры».

Структура. Построенный хребет. Ледяные призраки. Это звучало как бред. Но два гения, Алан Кейн и ее отец, отнеслись к этому серьезно. Достаточно серьезно, чтобы отдать за это свои жизни.

– Раф, твоя очередь, – сказал Том.

– Новости не лучше, – вклинился Раф. Его лицо на экране было мрачным. – «Avis Aeris», вертолетная компания. Я взломал их внутреннюю сеть. Это было непросто, эти ребята знают толк в безопасности. Это подставная фирма. На сто процентов принадлежит и контролируется «Лука Дунамикс». Их официальная деятельность – прикрытие. Последние полгода они занимаются одним: составляют подробную 3D-карту Ледяного хребта. С помощью георадаров, сейсмических датчиков, магнитометров. Они ищут не на поверхности. Они ищут под ледником.

– Они ищут ту же «структуру», – прошептала Майя.

– Похоже на то, – подтвердил Раф. – Они не знают точных координат, иначе бы уже бурили. Они, как и мы, идут по следам Кейна. Но у них есть вертолеты и команда головорезов, которые, по данным их личных дел, имеют опыт «работы» в горячих точках. А у вас – только ноги и ледорубы. И еще. За два дня до гибели твоего отца, один из их вертолетов совершил незапланированный рейс в тот же район. В полетном листе он не значился. Я нашел упоминание о нем в стертых логах техника. Они что-то там заметили. Или кого-то.

Том сжал кулаки.

– Моего отца.

– Очень вероятно, – согласился Раф. – Он их опередил. Нашел то, что они искали месяцами. Они засекали его, выследили до Альп и... устроили несчастный случай. А теперь они прочесывают каждый метр того плато, потому что знают, что он что-то оставил. Или что кто-то придет по его следу. То есть, вы.

Связь зашипела и прервалась. На экране застыло искаженное лицо Рафа.

В номере повисла тяжелая тишина. Теперь все встало на свои места. Это была не просто гонка за правдой. Это была гонка на выживание. Они шли прямо в логово зверя, и зверь знал, что они идут.

– Мы не можем идти, – сказала Майя. Голос ее не слушался. Это было безумие. Самоубийство.

Том подошел и взял со стола старый латунный компас ее отца. Он повертел его в руках, а потом протянул ей.

– Твой отец знал, на что идет, – тихо сказал он. – Он знал, что «Луга» дышит ему в затылок. Поэтому он и отправил это тебе. Он не мог доверять электронной почте, телефонам. Он доверился самому надежному – почтовой службе Чили и тебе. Он верил, что ты доведешь дело до конца.

Майя посмотрела на компас. На его поцарапанное стекло, на стрелку, упрямо указывающую на север. Отец никогда не отступал. Он шел вперед, даже когда это казалось невозможным. Может быть, в этом и заключалось его главное наследие. Не в открытиях. А в упрямстве.

– Они будут ждать нас, – сказала она.

– Да, – кивнул Том. – Но они ищут «структуру». Они смотрят под лед, используют приборы. А мы ищем следы людей. Старый лагерь, забытый тридцать лет назад. Мы будем смотреть туда, куда не смотрят их машины. В этом наше преимущество. Мы ищем не гелий-3. Мы ищем правду.

Он посмотрел на нее, и в его глазах больше не было страха. Только холодная, ясная решимость. Он принял бой.

– Мы выдвигаемся через час, – сказал он. – Под покровом ночи. Чем раньше мы исчезнем с дорог, тем лучше.

Майя кивнула. Страх никуда не делся. Он скручивал желудок ледяными пальцами. Но поверх страха росло что-то еще. Злость. И упрямство, которое Матео увидел в ее глазах. Упрямство Ортонов. Эти люди убили ее отца. Они пытались украсть его последнее открытие. И она не позволит им этого сделать.

Они выехали из города, когда на улицах не было ни души. Старый «Дефендер» урчал, пробираясь по пустынным дорогам. Огни Эль-Калафате быстро остались позади, маленьким островком тепла и света в океане холодной тьмы. Вскоре асфальт сменился гравийкой. Машину трясло, и свет фар выхватывал из темноты лишь бесконечную дорогу, уходящую к черной стене гор на горизонте.

Через два часа тряски Том остановил машину у неприметного съезда, где стоял одинокий, покосившийся деревянный указатель с полустертой надписью: «Национальный парк Лос-Гласьярес». Дальше дороги не было. Только узкая, едва заметная тропа, теряющаяся в зарослях колючего кустарника.

Они вышли из машины. Ветер тут же набросился на них, пронизывая до костей. Небо над головой было невероятно чистым, усыпанным миллиардами ярких, холодных звезд. Млечный путь протянулся через весь небосвод, как призрачная река. А прямо перед ними, в неверном свете луны, возвышались они. Горы. Огромные, молчаливые, равнодушные. Их вершины, покрытые вечными снегами, светились в темноте, как клыки гигантского зверя.

– Ну что, – сказал Том, закидывая на плечи тяжелый рюкзак. – Добро пожаловать на край света.

Он включил налобный фонарик, и его луч вырвал из темноты начало тропы.

Майя глубоко вздохнула, вдыхая ледяной, чистый воздух. Она поправила свой рюкзак, почувствовав его знакомую тяжесть. В кармане куртки лежал компас отца. На шее висела «Лейка». Это было все, что у нее было. Наследие и оружие.

Она сделала шаг вперед, ступив на тропу. Это был шаг в неизвестность. Шаг навстречу призракам Ледяного хребта. Она больше не была просто «дочерью Ортона». Она была здесь, на его последней карте, и собиралась дорисовать ее до конца. Или умереть, пытаясь.

Призраки Ледяного хребта

Первые два часа подъема были медитацией в аду. Существовал только ритм. Шаг, вдох. Шаг, выдох. Хруст гравия под ботинками. Тяжелое, рваное дыхание Майи и ровное, почти неслышное – Тома. Он шел впереди, тень, задающая темп. Не слишком быстрый, чтобы она выдохлась, но и не слишком медленный, чтобы они замерзли. Идеальный, выверенный, сводящий с ума темп.

Темнота была абсолютной. Лучи их налобных фонариков выхватывали лишь небольшой круг каменистой тропы и колючие, низкорослые кусты, цеплявшиеся за склон. Все остальное поглотила ночь. Горы не были величественными силуэтами, как из долины. Здесь, на их склонах, они были просто давящей, всепоглощающей массой тьмы, навалившейся со всех сторон. Майя чувствовала их вес каждой клеткой своего тела. Она не шла вверх; она продиралась сквозь толщу чего-то плотного и враждебного.

Ее плечи, не привыкшие к весу двадцатикилограммового рюкзака, горели. Мышцы ног гудели от напряжения. Холодный воздух обжигал легкие. Это было в тысячу раз хуже, чем она себе представляла. В ее мире, мире городских улиц и фотостудий, усталость была чем-то абстрактным, что лечилось чашкой кофе или горячим душем. Здесь усталость была физической величиной, врагом, который вцеплялся в тебя и тянул вниз, обратно в темноту.

– Пятиминутный привал, – голос Тома вырвал ее из оцепенения. Он остановился у большого валуна, похожего на сгорбленного зверя. – Пей воду. Маленькими глотками. Съешь орехов.

Майя без сил рухнула на землю, прислонившись спиной к рюкзаку. Руки дрожали, когда она откручивала крышку фляги. Вода была ледяной и безвкусной, но никогда еще она не казалась ей такой желанной.

– Как ты это делаешь? – спросила она, глядя на Тома. Он даже не присел. Стоял, осматривая склон над ними, сканируя темноту, словно хищник на своей территории. Он даже не запыхался. – Как ты можешь идти так, будто гуляешь по парку?

– Привычка, – коротко ответил он. – И правильное дыхание. Ты дышишь ртом, слишком часто. Вдыхай носом, выдыхай ртом. Медленно. Синхронизируй дыхание с шагами. Два шага на вдох, два на выдох.

Он говорил как робот-инструктор. Ни капли сочувствия. Только факты и команды.

– И еще, – добавил он, не глядя на нее. – Я не думаю о вершине. Я думаю только о следующем шаге. Вершина – это слишком далеко. Это деморализует. А вот следующий шаг... его всегда можно сделать.

Майя промолчала, пережевывая сухие, соленые орехи. Следующий шаг. В этом была своя жестокая логика. Всю жизнь она смотрела на своего отца, как на недостижимую вершину. И вот теперь она шла по его последнему маршруту, делая один маленький, мучительный шаг за другим. Возможно, именно так он и жил. Не думая о наследии или славе. Просто делая следующий шаг навстречу очередной тайне.

– Время вышло, – сказал Том. – Пошли.

И снова начался этот монотонный, изматывающий ритм. Шаг, вдох. Шаг, выдох. Но теперь Майя пыталась следовать его совету. Она сосредоточилась на дыхании, на маленьком круге света под ногами, на ощущении камня под подошвой ботинка. И, к ее удивлению, это сработало. Боль в мышцах никуда не делась, но паника, росшая внутри, отступила. Она нашла свой ритм. Медленный, неуклюжий, но свой.

Они шли уже около четырех часов, когда тьма вокруг них начала меняться. Она перестала быть чернильно-черной, приобретая глубокий, фиолетовый оттенок. На востоке, за сте-

ной дальних гор, небо едва заметно посветлело. Рассвет в Патагонии был неспешным, почти неохотным, словно солнце боялось заглядывать в эти суровые края.

Именно в этот момент они услышали звук.

Сначала он был едва различим, сливаясь с шумом ветра. Низкий, рокочущий гул, который, казалось, шел не с какой-то определенной стороны, а отовсюду сразу, вибрируя в самой земле.

– Ложись! – рявкнул Том.

Его реакция была мгновенной. Он не искал источник звука. Он схватил Майю за лямку рюкзака и с силой рванул ее вниз, за тот самый валун, у которого они отдыхали несколько часов назад. Они упали на острые камни, и Майя больно ударилась коленом.

– Какого?.. – начала она, но Том зажал ей рот ладонью.

– Тихо! – прошипел он. Его глаза были прикованы к небу.

Гул нарастал, превращаясь в характерный прерывистый грохот вертолетных лопастей. И через несколько секунд он появился. Черный, хищный силуэт на фоне светлеющего неба. Без опознавательных знаков. Он летел низко, вдоль склона, методично прочесывая местность.

«Avis Aeris». «Lyra Dynamics».

Майя замерла, боясь дышать. Они были прямо под ним. Вертолет прошел в каких-то ста метрах над их головами. Она видела его гладкое, матовое брюхо, похожее на панцирь гигантского насекомого. На мгновение ей показалось, что пилот смотрит прямо на них. Но вертолет пролетел дальше, не меняя курса.

– Они нас не видели, – прошептала Майя, когда рокот стал удаляться.

– Еще как видели, – возразил Том шепотом, не ослабляя хватки. – Они нас не заметили. Это разные вещи. У них тепловизоры. Но мы за камнем, он пока холоднее нас. И мы не движемся.

Вертолет сделал круг над долиной внизу и начал подниматься выше, к тому самому перевалу, куда они направлялись. Внезапно его днище вспыхнуло ослепительным светом. Мощный прожектор ударил по склонам, превращая предрассветные сумерки в черно-белый, контрастный мир. Луч медленно пополз по камням, пожирая тени. Он двигался к ним.

Сердце Майи колотилось о ребра, как пойманная птица. Бежать было некуда. Вокруг – голый склон. Они были как на ладони. Луч приближался, он был уже в двадцати метрах, в десяти... Майя зажмурилась, ожидая, что их сейчас обнаружат, что из вертолета раздастся голос через мегафон или что-то похуже.

Том действовал беззвучно и стремительно. Он расстегнул пряжки на своем рюкзаке, вытащил оттуда что-то серебристое и одним движением накрыл их. Это было спасательное термоодеяло. Тонкая, шуршащая фольга, которая мгновенно отсекала их от мира. Стало темно и тихо, слышно было только их собственное сбивчивое дыхание и глухой, приглушенный рокот снаружи.

– Не двигайся, – прошептал Том ей прямо в ухо. Его дыхание было теплым на ее замерзшей щеке. – Оно блокирует тепловую сигнатуру. Если повезет, для них мы будем просто еще одним холодным камнем.

Луч прожектора прошел прямо над ними. Майя почувствовала, как на долю секунды фольга над головой стала ярче. Они лежали так близко, что она чувствовала напряжение каждого мускула в теле Тома. Он накрыл ее собой, готовый в любой момент принять удар. В его действиях не было паники. Только ледяной расчет. Он уже проигрывал этот сценарий в голове. Он был готов.

Они пролежали так целую вечность, которая на самом деле длилась не больше минуты. Грохот вертолета начал стихать. Он обследовал перевал и полетел дальше, вглубь хребта, к ледникам.

Том осторожно приподнял край одеяла. Небо было пустым.

– Ушел, – выдохнул он, отодвигаясь. – Пока что.

Майя села, чувствуя, как дрожат ноги. Адреналин отступал, оставляя после себя тошнотворную слабость.

– Они ищут, – прошептала она. – Они прочесывают каждый метр.

– Да, – Том быстро сворачивал одеяло. – И это значит, что Раф был прав. Они знают, что отец что-то здесь нашел. И они боятся, что кто-то еще придет за этим. Пошли. Пока светло, мы для них – легкая мишень. Нам нужно добраться до перевала. Там есть где укрыться.

Он помог ей встать. Его рука была твердой и уверенной. В этот момент она не чувствовала ни раздражения, ни обиды на его властность. Только благодарность. Он только что спас ей жизнь.

Они двинулись дальше, но теперь все изменилось. Иллюзия того, что они одни в этих диких горах, развеялась. Теперь за каждым камнем, за каждым выступом скалы Майе чудились наблюдатели. Небо перестало быть просто небом. Оно стало вражеской территорией. Они были не исследователями. Они были беглецами.

Чем выше они поднимались, тем сильнее становился ветер. Сначала он просто трепал капюшон, но вскоре превратился в мощные, яростные порывы, которые били в лицо ледяной крошкой и пытались сбить с ног. Тропа стала круче, превратившись в узкую осыпь из живых, подвижных камней. Каждый шаг приходилось выверять, чтобы не вызвать небольшой камнепад.

– Перевал Вьентос, – крикнул Том, перекрикивая вой ветра. Он указал на узкую седловину между двумя скалистыми пиками впереди. – Перевал Ветров. Сейчас поймешь, почему.

Именно там их ждали «ледяные призраки» Алана Кейна.

Когда они подошли к началу перевала, Майя поняла, что все, что было до этого, – лишь прелюдия. Ветер здесь не дул. Он рождался. Узкая горловина перевала работала как аэродинамическая труба. Потоки холодного воздуха, срывавшиеся с ледника на той стороне, сжимались в этом узком проходе и вырывались наружу с чудовищной силой. Ветер выл, как раненый зверь, в нем слышались стоны, свист и что-то похожее на злобный шепот.

– Держись за скалы! – проорал Том. – Иди за мной, шаг в шаг! Не останавливайся!

Он пошел первым. Его фигуру тут же облепил снежный вихрь. Он двигался медленно, пригнувшись, одной рукой опираясь на ледоруб, другой – цепляясь за выступы скал.

Майя шагнула за ним, и ее тут же ударил порыв ветра такой силы, что она пошатнулась. Воздух выбило из легких. Казалось, он был не газообразным, а твердым. Он давил, толкал, пытался оторвать от земли и сбросить вниз, в пропасть, которая зияла слева от узкой тропы. Ледяная крошка секла лицо, забивалась в глаза. Она ничего не видела, кроме спины Тома в нескольких метрах впереди. Он был ее единственным ориентиром в этом ревушем хаосе.

«Ледяные призраки». Кейн был прав. Это не было похоже на обычный ветер. Порывы были ритмичными, словно кто-то огромный и невидимый дышал им в лицо. Выдох – и тебя едва не срывает со склона. Пауза в несколько секунд, затишье. И снова выдох.

Они прошли уже половину перевала, когда очередной, особенно яростный порыв, застал Майю на открытом участке. Ее нога соскользнула с обледеневшего камня. Она потеряла равновесие. Рюкзак потянул ее назад, к пропасти. Крик застрял в горле. В глазах потемнело. Она падала.

Но она не упала. Железная хватка вцепилась в ее руку. Том, которого самого едва не срывало ветром, успел обернуться и схватить ее. Он стоял, упершись ногами в камни, его тело было напряжено до предела.

– Я держу! – проревел он. – Сгруппируйся!

Он тянул ее, мышцы на его руке вздулись от напряжения. Майя отчаянно пыталась нащупать ногой опору. Ветер не унимался, он рвал их одежду, пытаясь разъединить. Наконец ее

ботинок нашел выступ. Она подтянулась, и Том рывком втащил ее в небольшую нишу в скале, защищенную от прямого ветра.

Они рухнули на камни, тяжело дыша. Майя вся дрожала, то ли от холода, то ли от пережитого ужаса. Она посмотрела на свои руки. Пальцы, даже в перчатках, ооченели и плохо слушались.

– Спасибо, – прошептала она. Слова уносил ветер.

Том ничего не ответил. Он смотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. В его глазах не было злости. Только бездонная усталость и что-то еще. Что-то, похожее на страх. Тот самый страх, о котором он рассказывал. Страх снова потерять кого-то.

– Я же сказал, – его голос был хриплым. – Я не теряю людей.

Он достал из своего рюкзака короткую веревку.

– Вставай. Дальше пойдем в связке.

Он обвязал веревку вокруг своей талии, закрепив ее специальным узлом. Второй конец он протянул ей.

– Делай, как я.

Майя молча подчинилась. Теперь их связывала не только общая цель, но и три метра альпинистской веревки. Символ доверия и зависимости. Ее жизнь теперь буквально была в его руках. А его – в ее. Если бы она сорвалась, она могла бы утащить за собой и его.

Оставшуюся часть перевала они прошли в связке, двигаясь как единый организм. Том шел впереди, выбирая путь, проверяя каждый камень, прежде чем поставить на него ногу. Майя шла за ним, копируя его движения, чувствуя каждое натяжение веревки. Ветер все так же выл, но он больше не казался ей всесильным. Теперь их было двое против него.

Когда они вышли на другую сторону перевала, ветер резко стих, словно они пересекли невидимую границу. Они оказались на краю огромного, залитого солнцем ледникового плато. Зрелище было настолько ошеломляющим, что Майя забыла про усталость и страх.

Перед ними, насколько хватало глаз, расстилалось слепяще-белое поле льда и снега, окруженное тремя величественными гранитными пиками – Трес Эрманас. Ледник не был гладким. Он был испещрен глубокими, синими трещинами, похожими на шрамы, и усеян сераками – гигантскими ледяными глыбами, напоминавшими руины фантастического города. Воздух был кристально чистым и неподвижным. Тишина, после рева перевала, казалась оглушительной.

– Ледяной хребет, – сказал Том, отвязывая веревку. – Мы на месте.

Они стояли на скальном уступе, возвышавшемся над плато. Отсюда открывался идеальный обзор. Где-то там, внизу, среди этого ледяного хаоса, тридцать лет назад пропала экспедиция Алана Кейна. Где-то там ее отец нашел ключ к их тайне.

– Они должны были разбить лагерь в защищенном от ветра месте, – сказал Том, доставая бинокль. – Скорее всего, у подножия одного из пиков, там, где скалы прикрывают от ветра с перевала.

Он начал методично осматривать местность. Майя тоже достала свою камеру и прикрутила длиннофокусный объектив – тот самый, из-за которого они спорили. Сейчас он был нужнее ледоруба. Она медленно вела объективом по панораме, всматриваясь в детали, которые были не видны невооруженным глазом. Ее глаз фотографа был натренирован искать аномалии, нарушения в общей картине – неправильную линию, чужеродный цвет, неестественную форму.

Она видела игру света и тени на снегу, причудливые формы сераков, темные полосы морен – замороженных в лед камней. Все было диким, хаотичным, созданным природой.

– Ничего, – сказал Том, опуская бинокль. – Никаких следов палатки или снаряжения. За тридцать лет все могло занести снегом на десятки метров. Мы ищем иголку в стоге сена.

– Может, мы ищем не то, – задумчиво произнесла Майя, не отрываясь от видоискателя. Она сфокусировалась на скальном гребне у подножия центральной вершины. Что-то там было не так. – Кейн писал, что хребет словно «построен». Что он имел в виду?

– Бред сумасшедшего ученого, – безэмоционально ответил Том. – Высотная болезнь, кислородное голодание, стресс. Они могли видеть что угодно.

– Мой отец ему поверил, – возразила Майя. Она увеличила изображение до предела. Камни. Просто нагромождение серых, покрытых лишайником валунов. Но что-то в их расположении... – Он не был сумасшедшим. И отец тоже. Они оба были дотошными наблюдателями. Они видели то, чего не видят другие.

Она вела объективом вдоль гребня. И вдруг замерла.

– Том, дай бинокль.

Он молча протянул ей тяжелый прибор. Майя приложила его к глазам, наводя на тот же участок. Теперь она видела это гораздо четче.

Большинство камней на гребне были хаотично разбросаны – результат тысячелетней эрозии и движения ледника. Но на одном участке, длиной метров в пятьдесят, валуны лежали... по-другому. Они были разного размера и формы, но их края, обращенные наружу, были выровнены. Они образовывали линию. Слишком прямую. Слишком правильную для природного образования. А рядом с этой линией лежали другие камни, образуя странные, угловатые символы. Это не было похоже на буквы или известные ей руны. Это было похоже на... схему. Или шифр.

– Смотри, – прошептала она, передавая бинокль Тому. – Вон там. Центральная вершина, у основания. Видишь гряду камней?

Том долго всматривался, меняя фокусировку.

– Вижу, – наконец сказал он. – Похоже на морену. Ледник притащил.

– Нет, – Майя покачала головой. – Смотри внимательнее. На саму линию. И на камни рядом с ней. Они не просто лежат. Они выложены в определенном порядке. Это не природа. Это сделали люди.

Том снова поднял бинокль. Он молчал так долго, что Майя начала сомневаться в себе. Может, это и правда игра воображения?

– Ты права, – сказал он наконец, и в его голосе прозвучало удивление. – Это искусственное. Слишком симметрично. Похоже на какие-то знаки. Отсюда не разобрать.

Он опустил бинокль и посмотрел на нее. В его взгляде промелькнуло что-то новое. Не снисхождение, не опека. Уважение. Она увидела то, чего не заметил он, опытный следопыт. Ее «бесполезный» навык оказался ключом.

– Лагерь Кейна, – сказала Майя, и ее сердце забилось быстрее. – Это не их лагерь. Это их послание. Они не могли передать координаты по рации, боялись, что их слушают. Они оставили их здесь. Выложили камнями. Шифр в камне.

Они переглянулись. Они нашли его. Первый след, первую зацепку за тридцать лет. Но радость тут же сменилась тревогой.

– Если мы это видим отсюда, – медленно проговорил Том, снова поднимая бинокль и осматривая окрестные вершины, – то и люди из «Луга» могут это увидеть. С вертолета, с помощью оптики...

– Они не ищут шифр из камней, – перебила его Майя. – Они ищут «структуру» с помощью георадаров. Они смотрят под лед, а не на камни на поверхности. Они ищут геологическую аномалию, а не археологическую. В этом наше преимущество.

Она была права. Люди из «Луга» были технарями. Они доверяли своим приборам. А команда Кейна и ее отец были исследователями старой школы. Они доверяли своим глазам и оставляли знаки, понятные только таким же, как они.

– Нам нужно спуститься туда, – сказала она. – И сделать это быстро.

Том кивнул, его лицо снова стало серьезным и сосредоточенным.

– Спуск займет около часа. Нужно будет использовать веревки. Но сначала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.